

Adam Karpiński

Образ палача и жертвы в произведении В. Зазубрина «Щепка»

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica nr 3, 16-23

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ADAM KARPIŃSKI
Łódź (Polska)

**ОБРАЗ ПАЛАЧА И ЖЕРТВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ВЛАДИМИРА
ЗАЗУБРИНА *ЩЕПКА***

Названные нами в заглавии настоящей статьи понятия, т.е. *палач* и *жертва*, прочно связаны друг с другом и практически всегда появляются вместе: где палачи, там и жертвы. Интересно, что лексема «палач» обозначает, с одной стороны, человека, который приводит в исполнение судебный приговор о смертной казни, производит пытки и телесные наказания, являясь таким образом частью правовой системы, но, с другой стороны, определяет мучителя, притеснителя, угнетателя, умышленно и злонамеренно совершающего преступления¹. Подобным образом, и лексема «жертва» имеет прямое и переносное значение. Во-первых, обозначает предмет или живое существо, приносимое в дар божеству по обрядам некоторых религий, но также добровольный отказ от чего-либо в чью-то пользу. Вместе с тем, жертвой можно назвать того, кто пострадал или погиб в результате какого-либо несчастья, стихийного бедствия, злого умысла, рокового стечения обстоятельств² – человека, страдающего от насилия³, тирании и произвола. В настоящей статье, цель которой заключается в том, чтобы проанализировать образ палача и жертвы в произведении Владимира Зазубрина *Щепка*, нас будут интересовать, прежде всего, переносные значения вышеназванных лексем.

Родившийся в 1895 году Владимир Яковлевич Зазубрин⁴ долгое время был писателем забытым: его творчество подвергалось сильной государственной цензуре. Таким образом, как биография, так и произведения Зазубрина не являются в наше время широкоизвестными⁵. В. Зазубрин родился в семье железнодорожного

¹ *Большой толковый словарь русского языка*, под. ред. С. А. Кузнецова, Санкт-Петербург 2006, с. 775; С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 2003, с. 489; В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*. Приводится по ресурсу: <http://slovardalja.net/>.

² *Большой толковый словарь...*, с. 303.

³ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь...*, с. 192.

⁴ Настоящая фамилия Зазубрина – Зубцов.

⁵ После завершения работы над настоящей статьей мы познакомились с текстом К. Ястжембской (ср.: К. Jastrzębska, *Wampiry rewolucji (Drzazga Władimira Zazubrina)*,

служащего. Семья Зазубрина вскоре после его рождения переехала из слободы Заворонеж в Пермь, а потом в Сызрань, вслед за сосланным за участие в революционных событиях 1905 года отцом. Будущий писатель поступил в реальное училище, где скоро стал издавать нелегальный журнал «Отголоски» и начал долготное сотрудничество с местными большевиками. В 1915 году Зазубрин был исключен из училища и арестован за революционную пропаганду. Через два года его мобилизовали в армию и направили в Павловское юнкерское училище в Петрограде, где был свидетелем октябрьской революции. В феврале 1918 года писатель снова переехал в Сызрань, откуда бывшего юнкера направили в Оренбургское военное училище. После десятимесячной учебы Зазубрина назначили командиром 15-го стрелкового добровольческого полка. Убежденный коммунист провел агитацию среди солдат (бывших рабочих из Перми), и его полк перешел на сторону «красных», направляясь в город Канск. В конце 1919 года писатель заболел тифом, а после выздоровления работал в газете «Красная Звезда» и преподавал в партийной школе.

В Канске началась литературная деятельность Зазубрина. О первом его романе *Два мира* от 1921 года очень положительно отозвался М. Горький, а самое произведение критики стали определять, как первый советский роман. В Канске писатель сочинил также *Бледную правду*, *Общежитие* и *Щенку*. В 1923 году Зазубрин стал работать редактором журнала «Сибирские огни», а через три года был организатором Сибирского Союза писателей⁶. В 1928 году началось агрессивное преследование Зазубрина и редакции сибирского журнала. Писателя освободили от должности редактора и председателя Союза писателей, а впоследствии его исключили из Коммунистической партии Советского Союза. С 1928 года до конца жизни В. Зазубрин работал в Москве редактором литературно-художественного журнала «Колхозник». Был избран делегатом Первого Всесоюзного съезда советских писателей. В 1937 году во время сталинских репрессий В. Зазубрин и его жена Варвара Прокопьевна были арестованы

«Przegląd Rusycystyczny» 2010, № 2 (130), с. 21–30, но, к сожалению, ее наблюдений уже не смогли учесть.

⁶ Н. Chłystowski, *Pisarz z Syberii*, [в:] W. Zazubrin, *Drzazga. Opowieść o Niej i o Niej*, Warszawa 2008, с. 126.

органами Народного комиссариата внутренних дел. В конце сентября талантливый писатель был расстрелян за «непонимание путей и методов социалистического строительства»⁷.

Начало возвращению произведений В. Зазубрина в литературный оборот положила политическая реабилитация 4 августа 1956 года, когда с писателя и его жены были сняты необоснованные обвинения. В. Яранцев в предисловии к изданию *Писем о Зазубрине* подчеркнул, что одним из первых, кто после реабилитации Зазубрина заинтересовался его творчеством, был литературовед и критик из Новосибирска Лоллий Баландин⁸.

Одновременно с убийством Зазубрина погибли многие рукописи, среди которых находился и текст повести *Щепка*. Судьба этого произведения была самой тяжелой из всех книг писателя. Написанную в 1923 году *Щепку* цензура не разрешала публиковать, считая ее идеологически опасной. Она не появилась в печати при жизни Зазубрина и долго после его смерти считалась утраченной. *Щепкой* заинтересовалась томский литературовед Римма Колесникова, которая в 1982 году нашла в московских архивах вариант повести Зазубрина. Свое открытие Р. Колесникова вспоминала следующим образом:

Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина. Сегодня я здесь последний день. Уже вечер, пора уходить. Пересмотрено все, что как-то могло касаться моих забот. Напоследок, без особых надежд, еще несколько фондов, не литераторов, а просто так или иначе имевших отношение к «Сибогням» середины 20-х. И вот... О, «рукописи не горят»?! Но не радость, не восторг-ликование, а что-то вроде подступивших рыданий перехватило дыхание. «Зазубрин В. Я. Щепка. Повесть. Ф.9, папка № 5, ед.хр.217, л.1-62». И здесь же: Правдухин В.П. Повесть о революции и личности. Ф. 9, папка № 5, ед.хр.216, л. 1-4». Листы папиросной бумаги, какого-то слеповатого экземпляра машинописи через цветную копирку. Повесть «Щепка» одного цвета. И приложенное к ней предисловие критика В. Правдухина – другого. В этот вечер даже театр не владел мной⁹.

⁷ Приводится по ресурсам: http://www.hrono.ru/biograf/bio_z/zazubrin_v.php;
<http://persona.rin.ru/view/f/0/33069/zazubrin-vladimir-jakovlevich>;
<http://tomskhistory.lib.tomsk.ru/page.php?id=766>;
http://www.lib.syzran.ru/personaliy/pers_Z,I/Zazubrin.htm

⁸ *Письма о Зазубрине. Из неопубликованного*, «Сибирские огни» 2010, № 6. Приводится по ресурсу: <http://magazines.russ.ru/sib/2010/6/fgh.html>.

⁹ А. Мужжинский, *Хроника террора. Служить революции и стать ее жертвой*, «Городские новости», № 107 (1619) от 31.07.2007. Приводится по ресурсу: <http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/20070731.htm>.

Повесть *Щепка* В. Зазубрина была напечатана в 1989 году по инициативе писателя Виктора Астафьева в альманахе «Енисей» и в журналах «Сибирские огни» и «Наш современник» спустя шестьдесят шесть лет после ее сочинения. Произведение вызвало большой интерес как среди читателей, так и литературных критиков (А. Мужщинский, В. Яранцев, А. Горшенин, В. Астафьев).

Повесть Зазубрина делится на одиннадцать глав, из которых самой кровавой, шокирующей и, по словам В. Яранцева, – главной и определяющей в повести¹⁰, является первая. В этой главе непосредственно описан механизм смерти, т.е. механизм, с помощью которого чекисты¹¹ – палачи (во главе с товарищем Андреем Срубовым) убивают врагов революции во времена «красного террора». Такое название получили массовые репрессии, которые большевики проводили против православной церкви, аристократии, офицеров, буржуазии, деятелей оппозиционных партий и культуры. В *Щепке*, с одной стороны, представлено поведение палачей, а с другой – жертв тоталитарной идеологии. Все заключенные ждут смерти в тесном подвале тюрьмы:

[...] отец Василий поднял над головой нагрудный крест. – Братья и сестры, помолимся в последний час. Темно-зеленая ряса, живот, расплывшийся к низу, череп лысый, круглый – просвирка заплесневевшая. Стал в угол. С нар, шурша, сползали черные тени. К полу припали со стоном. В другом углу, синяя, хрипел поручик Снежницкий. Короткой петлей из подтяжек его душил прапорщик Скачков. Офицер торопился – боялся, не заметили бы. Повертывался к двери широкой спиной. Голову Снежницкого зажимал между колен. И тянул. Для себя у него был приготовлен острый осколок от бутылки¹².

В небольшом подвале толпятся заключенные. Их слишком много – нет свободного места, не хватает свежего воздуха. Они вынуждены только ждать, не зная до конца, что с ними произойдет. Некоторые из них, как например, поручик Снежницкий и прапорщик Скачков, пытаются покончить жизнь самоубийством, желая таким образом сберечь человеческое достоинство. Эту ценность хотят отобрать у заключенных чекисты и система тоталитарного государства, которое создало ненормальную ситуа-

¹⁰ В. Яранцев, *Зазубрин*, «Сибирские огни» 2009, № 7. Приводится по ресурсу: <http://magazines.russ.ru/sib/2009/7/ia15.html>.

¹¹ ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.

¹² В. Зазубрин, *Щепка*, Приводится по ресурсу: <http://lib.ru/RUSSLIT/ZAZUBRIN/shepka.txt>

цию, в которой человек вынужден убивать себя. Палачи ведут узников пятерками в другое помещение, где они должны раздеться:

Комендант остановил приговоренных, приказал: – Раздеться. Приказание, как удар. У всех пятерых дернулись и подогнулись колени. А Срубов почувствовал, что приказание коменданта относится и к нему. Бессознательно расстегнул полущубок. И в то же время рассудок убеждал, что это вздор, что он предгубчека и должен руководить расстрелом. Овладел собой с усилием. Посмотрел на коменданта, на других чекистов – никто не обращал на него внимания¹³.

Председатель губернской ЧК А. Срубов – хладнокровный палач, под управлением которого были уничтожены сотни людей, почувствовал, что и он должен, вместе с заключенными, раздеться. Ему казалось, что он является врагом революции, приговоренным к смертной казни. В этот момент начался психический излом Срубова и его символический переход от чекиста-палача к чекисту-жертве. Особенно жестоким по отношению к узникам можно считать и принуждение раздеваться – таким способом чекисты вульгарно обесценивают человека, который уже не имеет ничего собственного, никуда не может спрятаться, живет со страхом перед смертью и стыдится своей наготы. Поэтому некоторые из заключенных, парализованные ужасом, не хотят или не могут самостоятельно раздеться. Например, хорунжий Кашин, который

сидел скорчившись, обняв колени. Смотрел отупело в одну точку на носок своего порыжевшего порванного сапога. К нему подошел Ефим Соломин. Револьвер в правой руке за спиной. Лево́й погладил по голове. Кашин вздрогнул, удивленно раскрыл рот, а глаза на чекиста. – Че призадумался, дорогой мой? Аль спужался? А рукой все по волосам. Говорит тихо, нараспев. – Не бойсь, не бойсь, дорогой. Смертушка твоя еще далече. Страшного покудова ще нету-ка. Дай-ка я те пособлю курточку снять. И ласково и твердо-уверенно лево́й рукой расстегивает у офицера френч. – Не бойсь, дорогой мой. Теперь рукавчик сьемем. Кашин раскис. Руки растопырил покорно, безвольно. По лицу у него слезы. Но он не замечал их. Соломин совсем овладел им. – Теперь штаники. Ниче, ниче, дорогой мой. Глаза у Соломина честные, голубые. Лицо скуластое, открытое. [...] Раздевал он Кашина как заботливый санитар больного. – Подштанички...

Срубов ясно до боли чувствовал всю безвыходность положения приговоренных. Ему казалось, что высшая мера наси́лья не в самом

¹³ Там же.

расстреле, а в этом раздевании. Из белья на голую землю. Раздетому среди одетых. Унижение предельное. Гнет ожидания смерти усиливался будничностью обстановки. Грязный пол, пыльные стены, подвал. А может быть, каждый из них мечтал быть председателем Учредительного собрания? Может быть, первым министром реставрированной монархии в России? Может быть, самим императором? Срубов тоже мечтал стать Народным Комиссаром не только в РСФСР¹⁴, но даже и МСФСР¹⁵. И Срубову показалось, что сейчас вместе с ними будут расстреливать и его¹⁶.

Один из чекистов, Ефим Соломин, относится к заключенному, как к ребенку или к больному. В обращении к ним он использует слова с уменьшительными суффиксами. Чекист видел в узниках не людей, а животных. Он обращался к ним, как к скоту, который надо убить. Соломин – это палач, относящийся к убийству людей, как к убою скота на мясо – «чувствовал себя свободно и легко. Он знал твердо, что расстреливать белогвардейцев так же необходимо, как необходимо резать скот»¹⁷. Похожим образом ведут себя и другие чекисты, в том числе и Срубов. Все они «видели только пять парных окровавленных туш мяса»¹⁸. В. Зазубрин, используя натуралистический способ описания показывает, что исполняющие приговор о смертной казни, убивают как автоматы, не стреляют, а работают, выполняя свой долг перед революцией, которой «нужно только уничтожить своих врагов»¹⁹. Автор изобразил Срубова как человека, который, хотя замечал безвыходность ситуации, чувствовал, что заключенные страдают от неоправданного насилия, особенно когда их раздевали, то ничего не сделал, был одним из элементов системы смерти. Несмотря на уверенность в правильности своих действий и решений, Срубов постепенно сходит с ума. Ему все чаще кажется, что и он должен вместе с узниками стать без одежды в подвале у стены и ждать смерти.

Автор показывает, что жестокость чекистов проявляется и в их отношении к женщинам. Последними заключенными были две женщины и прапорщик Скачков, который так и не смог закончить жизнь самоубийством. Однако он до конца держал в своих руках осколок стекла. Когда одна из женщин воздерживалась перед тем, чтобы подойти к стенке, Ефим Соломин стал

¹⁴ РСФСР - Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

¹⁵ МСФСР – Международная Советская Федеративная Социалистическая Республика.

¹⁶ В. Зазубрин, *Щелка...*

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

очень вежливо к ней отзываться, называл ее красавицей и обращался с ней как с настоящей дамой. Второй женщиной была прекрасная высокая блондинка, которая –

распущенными волосами прикрылась до колен. Глаза у нее синие. Брови густые, темные. Она совсем детским голосом и немного заикаясь: – Если бы вы зн-знали, товарищи... жить, жить как хочется. И синевой глубокой на всех льет. Чекисты не поднимают револьверы. У каждого глаз – угли. А от сердца к ногам ноющая, сладкая истома. Молчал комендант. Неподвижно стояли пятеро с закопченными револьверами. А глаза у всех неотрывно на все. Стало тихо. Испарина капала с потолка. Об пол разбивалась с мягким стуком. Запах крови, парного мяса будил в Срубове звериное, земляное. Схватить, сжать эту синеглазую. Когтями, зубами впиться в нее. Захлебнуться в соленом красном угаре... Но Та, которую любил Срубов, которой сулил, была здесь же. (Хотя, конечно, какое бы то ни было противопоставление, сравнение Ее с синеглазой немыслимо, абсурдно.) А потому – решительно два шага вперед. Из кармана черный браунинг. И прямо между темных дуг бровей, в белый лоб никелированную пулю. Женщина всем телом осела вниз, вытянулась на полу. На лбу, на русых волосах змейкой закрутились кровавые кораллы. Срубов не опускал руки²⁰.

Жестокость Срубова, который самостоятельно расстреливает женщину, которая хотела только жить, приводит в ужас. Чекисты были очарованы красотой, целомудренностью и молодостью девушки, и лишь Срубов, для которого высшей ценностью являлась честь и любовь к революции, смог убить женщину. Но такое поведение влияет на психическое состояние человека, и Срубов, главный герой *Щенки*, уже раньше сходявший с ума, начинает галлюцинировать. Он видит вокруг себя красную реку, по которой плывут белые березы. Чекисты не перестают рубить деревья. Весь город разрушен, земля покрывается кровью.

Подытоживая, следует сказать, что в повести *Щенка* В. Зазубрин показывает искренний психологический портрет революции и времен «красного террора», когда убийственная идеология коммунистического тоталитаризма уничтожила миллионы людей. Председатель губернской ЧК Андрей Срубов воодушевленно выполнял свой долг перед революцией, но запутался в вопросах жизни и смерти, в результате чего не выдержал вездесущего насилия и сошел с ума. Палач, который убивал врагов революции, стал ее жертвой. Таким образом, Зазубрин

²⁰ Там же.

показывает, что как приговоренные к смертной казни, так и чекисты-угнетатели были жертвами бездушного государства. Они служили революции и ради нее были в состоянии все сделать – расстреливать, убивать и мучить людей. Все-таки, у читателей вряд ли появится чувство сострадания к Срубову, поскольку от его решений на посту председателя зависела жизнь невинных жертв. Книга *Щепка* для автора была пророческой – Зазубрин, который описал «фабрику смерти», через четырнадцать лет сам стал жертвой, пострадавшей от тирании палачей – еще одной щепкой...

Настоящая статья является первой попыткой анализа повести Зазубрина *Щепка*. На наш взгляд, произведение требует еще дальнейших исследований. Особенно перспективным представляется разбор метафорического значения заглавия и фамилий главных персонажей, что может стать основой следующей статьи.

Summary

ADAM KARPÍŃSKI

THE EXECUTIONERS AND VICTIMS IN VLADIMIR ZAZUBRIN'S *SLIVER*

The article addresses the problem of people who were first executioners and later victims in Vladimir Zazubrin's micro-novel *Sliver*. Although it was written in 1923, it wasn't published until 1989, 52 years after the author's death. He was arrested and then shot in 1937 in the time of terror.

In *Sliver*, we can see the work of a checklist executioners, who mercilessly murders thousands of people, the victims of a totalitarian state. The article presents an attempt at an interpretation and analysis of *Sliver*, using the comparison of executioner's and victim's attitudes. The main character, Andrei Srubov, does his brutal work very thoroughly. However, everyday contact with his victim's suffering and blood and the fear that arouses in him cause his madness. The executioner who has been killing class enemies of the Russian revolution becomes in the end its victim.

Key words: executioners, victims, Vladimir Zazubrin, Russian revolution.